

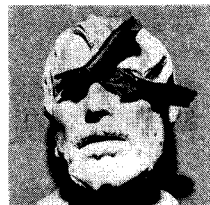
МНОЖЕСТВЕННОСТЬ МИРОВОЗЗРЕНИЙ — ТЕРРИТОРИЯ КОНФЛИКТОВ?

© 2012

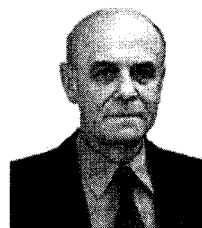
Е.А. Кротков

Широко известен феномен противостояния цивилизаций, связанный с конфликтом религиозных мировоззрений (“языческий мир — христианская цивилизация”, “христианская цивилизация — исламский мир”). Давнюю историю имеет и такой мировоззренческий конфликт, как “теизм — атеизм”.

В России противостояние тех, кто “горой стоит” за веру, и тех, кто критически относится к ней, не завершилось фактом поражения политических сил, насаждавших безверие. Уход в небытие государственного (“воинствующего”) атеизма сменяется возрождением феномена “воинствующей” церкви. Сегодня с завидной методичностью клерикальной пропагандой внушается россиянам мысль о том, что обращение народа в религиозную веру необходимо для спасения России от нравственного нигилизма и вестернизации, а неверующий в Творца потенциально непатриотичен и бездуховен. Само понятие “духовность” безоговорочно отождествляется с религиозностью, а нравственное просвещение молодежи наше государство, судя по всему, с удовольствием передало бы под патронаж церкви. Об этом свидетельствуют и “встраивание” религиозной идеологии в школьное образование (под предлогом ознакомления детей с основами религиозной культуры), и передача церковным структурам, хранящихся в музеях произведений искусства и символов религиозного содержания, и участвовавшие выступления церковных иерархов по каналам СМИ в роли блюстителей общественной нравственности. Уже публикуются статьи, в которых содержатся призывы к изменению на православных основах существующего государственного строя: “Необходимо приводить в соответствие с православной цивилизационной моделью всю государственную систему”, поскольку “любые попытки скрещивания христианских ценностей с секулярно-либеральными институтами западной демократии обречены на провал”¹.

**ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ**

**Кротков
Евгений
Алексеевич** — доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного университета. В журнале “Человек” публикуется впервые.

¹ Познанский Д. Цивилизационная несовместимость // Политический журнал. 2008. № 4 (181).

Спрашивается, а не возникнет ли, к примеру, желание у иерархов мусульманства пропагандировать в СМИ идею “приведения в соответствие” российской государственности, но только не с православной, а с исламской цивилизационной моделью? Представим, что и такая инициатива получит широкую поддержку. И что тогда? Уместно напомнить: принадлежность к иной вере в иные времена считалась (да и ныне нередко считается) не меньшим злом, чем просто безверие. А ведь еще И. Кант предупреждал нас: “... религиозные распри, которые столь часто потрясают мир и заливают его кровью, никогда не представляли собой ничего другого, кроме разногласий из-за церковной веры”² [4, с.178].

Лидеры основных религиозных конфессий заключили между собой негласный “пакт о ненападении”, дабы не отвлекать силы от “священной” борьбы за умы и сердца мирян и тех, кто еще не обратился в веру. Уместно заметить, что это перемирие не может не быть временным, тактическим, ведь во всех конфессиях принадлежность к иной вере — едва ли не больший грех, чем просто безверие. А. Мельников ставит, на мой взгляд, вполне обоснованный диагноз сложившейся ситуации. “В XXI веке религиозные общины обычно стараются скрывать свои разногласия, подчеркивать их считается неполиткорректным. ... Стоит священнослужителям сойти с высоких трибун и остаться наедине со своей паствой в храмах, молитвенных домах и общинных центрах, смысл и тональность их выступлений меняются. Борьба религиозных организаций России против нетрадиционных учений, постоянные попытки пересмотреть светские устои государства, непрерывные проявления религиозной нетерпимости, часто переходящие в криминал, в разных частях страны — все это замалчивается, затеняется завесой уверений в готовности вести межрелигиозный диалог”³.

Метафизические основания мировоззрения⁴

Любое мировоззрение представляет собой личностно-духовное образование, удачно названное Р. Рорти “искупительной истиной”. Искупительная истина удовлетворяет человеческую потребность “увязать все на свете — все события, всех людей, все идеи — в некий единый контекст, который каким-то образом оказался бы естественным, предопределенным и единственно возможным”, а также “единственно значимым для определения смысла человеческой жизни, потому что только в данном контексте человеческое существование будет явлено в истинном свете”. Верить в искупительную истину — значит верить, что “есть некая подлинная реальность за видимостью явлений, что есть одно истинное описание всего существующего и случаемого, один главный секрет и одна

² Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 178.

³ Мельников А. Диалог религий в любой момент может перерасти в конфликт. URL: http://religion.ng.ru/events/2008-04-02/3_dialog.html

⁴ Со словом “мировоззрение” будет в дальнейшем ассоциироваться содержание, которое обычно именуется “картиной мира в целом и пониманием места в нем человека”. Это содержание может быть представлено не только в форме философской, либо теологической системы, но и в художественно-образном и афористическом повествовании.

⁵ Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопр. философии. 2003. № 3. С. 3.

окончательная разгадка”⁵. Сразу же подчеркну: “истина мировоззрения” и “научная истина” — существенно различающиеся концепты. Содержание научных теорий достаточно уверенно контролируется логикой и экспериментом, поэтому рано или поздно специалисты приходят к относительному единству в их признании. Мировоззрения тоже могут быть насыщены сведениями из различных областей науки, но их фундамент составляют некие метафизические построения, для которых характерны универсализм и абсолютизм, то есть стремление все многообразие явлений подвести под единое, нередацируемое к чему-либо другому и вечно пребывающее основание (Абсолют), а затем “вывести” из него всю многоликость преходящего, и таким образом “объяснить”, или “оправдать” его.

Однако потребность в фундировании всего сущего Абсолютом (как бы его ни называли: Богом, Вселенским Разумом, Мировой Волей или Материей) не равнозначна, вопреки мнению критиков метафизики, неистребимому человеческому влечению к познанию глубинной, единой и окончательной “мировой сущности”. Сама эта потребность индуцируется настроениями и размышлениями экзистенциального характера. На это обстоятельство обращал внимание еще Вильгельм Дильтей, считавший “великие жизненные настроения”, “чувство жизни” (такие, к примеру, как оптимизм и пессимизм) фундаментом, “подпочвой развивающихся на их основе мировоззрений”, и отмечавший, что мировоззрения “не возникают в результате одной лишь воли познания”⁶. Похожий взгляд у профессора философии и истории культуры Института интегральных исследований в Сан-Франциско Ричарда Тарнаса, который полагает, что в мировоззренческом выборе помимо усилий интеллектуального характера участвуют и такие “более разомкнутые факторы”, как “воля, воображение, вера, надежда и страсть”⁷. Р. Карнап также находил, что мировоззрение, основу которого составляет сверхъестественный, либо естественный, но сверхэмпирический познавательный источник, возникает “из потребности выражения чувства жизни, состояния, в котором живет человек, эмоционально-волевого отношения к миру, к ближнему, к задачам, которые он решает, к судьбе, которую переживает”⁸. Однако, в отличие от искусства, такое мировоззрение является, по мнению Карнапа, “неадекватным средством” для выражения этого чувства. С ним не согласился бы И.И. Лапшин, видный деятель русской “университетской” духовной культуры первой половины XX века. Он поставил весьма примечательный для нашего рассмотрения вопрос: “Почему метафизика Шопенгауэра приняла форму монистического волюнтаризма? То есть, почему Шопенгауэр признал именно волю сокровенной сущностью вещей и почему всякая множественность индивидуальностей (множественность вещей и сознаний) представля-

Е. Кротков
Множественность мировоззрений: территория конфликтов?

⁶ Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах / Культурология. XX век: Антология. М., 1995. С. 220, 225.
⁷ Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 345.
⁸ Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка. URL: <http://kant.narod.ru/carnap.htm#n1#n1/> Карнап ведет речь о метафизике, воздерживаясь от употребления термина “мировоззрение” ввиду его многозначности.

ется ему лишь видимым отображением единой мировой воли?” Ответ Лапшин получает при сопоставлении экзистенциального опыта Шопенгауэра с его метафизическим принципом: “*Дисгармония* в волевой деятельности, мучительный разлад между жадной жизни и в то же время полной неудовлетворенностью ее содержанием — вот что было источником личной трагедии Шопенгауэра; этой трагедии он придал характер мировой трагедии”. По такой же схеме он ставит “диагноз” мировоззрениям Фихте, Гегеля, Герберта, и приходит к следующему общему выводу: “Подобно тому, как художники воплощают в типы, объективируют в художественные образы лично глубоко выстраданное и тем как бы снимают с себя бремя страданий, метафизики нередко объективируют характерные черты собственной личности в мировую сущность”⁹.

Множественность мировоззрений и толерантность

О невозможности построения мировоззрения, “истина” которого приемлема для всех и на все времена, косвенно свидетельствует отсутствие интерперсонального аргументативного преимущества у любой из мировоззренческих позиций по таким вопросам, как: “Является ли мир самодостаточным или он сотворен Богом?”; “Ограничен мир или безграничен во времени и пространстве?”; “Бессмертна ли душа человека или она погибает вместе с телом?” и т.п. При этом проблема не в том, что тезис и антитезис доказываются правильно/неправильно, но в том, что у полемизирующих сторон не существует единого поля аргументации. Те положения, которые в качестве аргументов представляются несомненно истинными для одних, не признаются в качестве таковых другими, и любая дискуссия оказывается неконструктивной. Данное обстоятельство послужило Дильтею поводом заявить: “Борьба мировоззрений между собой ни в одном основном пункте не увенчалась победой одного из них. История производит из них отбор, но великие типы их сохранили всю свою силу, недоказуемые и неразрушимые”¹⁰.

Употребляя слово “борьба”, В. Дильтей осознавал, надо полагать, что эта борьба в истории человечества нередко оказывалась “пусковым механизмом” для политических и военных конфликтов, являлась их идеологическим сопровождением. Очевидна связь религиозных представлений и с нынешней конфликтной ситуацией на Ближнем Востоке, Алжире, Пенджабе и т.д.

Роль религиозного манипулирования для достижения и сохранения власти возрастает и у нас в стране. Полагаю, что только религиозность как фактор “морально доброго образа мыслей” и “доброго образа жизни” (И. Кант), а не противосто-

⁹ Лапшин И. Шопенгауэр / Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1903. Т. XXXIX. С. 79.

¹⁰ Дильтей В. Указ. соч. С. 225.

нения политических амбиций, составляет реальную и безальтернативную основу решения проблемы межконфессиональных конфликтов — одну из самых опасных угроз всему мировому сообществу. Впрочем, и другие формы мировоззрения с меньшим “успехом” использовались для антигуманных целей (метафизика воли к власти — в идеологии Третьего Рейха, диалектический материализм — в идеологии большевизма и т.д.). Поэтому желательной была бы такая ситуация в обществе, когда над политическим, юридическим и этическим дискурсами не довлеют мировоззренческие постулаты, то есть “апелляция к мировоззрению” отклоняется при обосновании регулятивов и ценностей общенациональной значимости.

“Отечественный опыт показывает, что разрушительные силы нашего государства всегда произрастали из атеистической среды, не обремененной нравственными условиями”, — утверждает в статье С.Е. Матвейчука. Ссылаясь на расхожее определение: “В России понятия русский и православный были идентичны, отказавшийся от православия перестает быть русским”, автор полагает, что если политическая элита сумеет решить положительно вопрос о “государствообразующей роли православного народа”, то и другие народы (фракции) объединяются вокруг лидера с целью совместного обустройства общего дома¹¹. Между тем деление нации на “государствообразующий” народ и “другие народы” по основанию конфессиональной принадлежности само по себе и безнравственно, и взрывоопасно, и противоправно. Согласно Конституции РФ, “государствообразующим” началом являются все граждане страны, независимо от их мировоззрения/вероисповедания и этнической принадлежности. Столь же контрпродуктивны и призывы “покончить раз и навсегда” либо с верой, либо, напротив, с безверием: если какое-либо из этих мировоззрений принимается личностью осознанно и добровольно, оно может позитивно повлиять на нравственное и психическое ее здоровье. К примеру, религиозное мировоззрение служит хорошим лекарством против синдрома “осатаневшей самости” (Ф.М. Достоевский), то есть безбрежного эгоизма, цинизма и своеволия, а также средством психологической компенсации несбывшихся надежд и невосполнимых утрат личности. А нерелигиозное мировоззрение способно блокировать потенциал безграничного ее самоуничтожения и атрофию социальной активности. Словом, каждый человек волен идти по жизни с понятной ему и родственной его душевной организации “искупительной истиной”, и никто не должен понуждать его ни прозелитизмом, ни системой воспитания/образования к принятию какого бы то ни было “аутентичного” мировоззрения. В этом заключена суть мировоззренческой толерантности как уважительного отношения к людям с иным мировоззрением. Ее антиподом является мировоззренческая интолерантность, то есть агрессивное отно-

Е. Кротков
Множественность
мировоззрений:
территория
конфликтов?

¹¹ Матвейчук С.Е. Идентификация национального мировоззрения российской политической элиты // Право и безопасность. 2004. № 2 (11). URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_8_3.htm

шение к людям с иным мировоззрением на основе убеждения в том, что только мое (наше) мировоззрение правильно и допустимо. В этом смысле теизм и атеизм как аргументационные системы с их интенцией “победить”, “искоренить”, “вытеснить”, ныне уже не вписываются в модель консонансного социального бытия, поскольку мировоззренческий текст, “истина” которого пытается подвергнуть остракизму любые другие “искупительные истины”, является актом духовного насилия. “Люди, считающие, что их вряд ли может заинтересовать вопрос о существовании Бога, не вправе осуждать людей, которые страстно верят в его существование, или людей, которые не менее страстно отрицают его. И ни те, ни другие не вправе осуждать тех, кому этот спор кажется бессмысленным”¹². Безальтернативный способ коммуникации между субъектами разных мировоззрений — это соблюдение мировоззренческого нейтралитета и следование принципам толерантности: «“Слышать” друг друга, и при этом обойтись “без драк на меже”, с этой точки зрения, можно лишь при обоюдном допущении, что “может быть, я прав, или, может быть, ты прав, или никто из нас, или, неизвестным для нас способом, мы оба правы вместе”»¹³.

Толерантность, мировоззренческий нейтралитет могут иметь место лишь в условиях, когда у их субъектов — людей или социальных общностей с расходящимися векторами сиюминутных интересов, с антипатиями, неприязнью и т.п. — имеется общая основа, позволяющая им вступить в диалог и выявить единство в сфере долговременных интересов, фундаментальных принципов и ценностей. Не в теории, а на практике познавшее горечь мировоззренческой нетерпимости, расового, национального и социально-классового эгоизма, мировое сообщество вплотную приблизилось к “прозрению” координат общечеловеческого аксиологического пространства. И так ли уж важно, в чем философы, культурологи и теологи усматривают их источник — в антропологическом единстве человечества, в адаптационных закономерностях эволюции социального бытия, в абсолютных теоретических интуициях, или в Слове, которое было у Бога? Важно другое: добровольное и осознанное (по Канту — основанное на понимании и самообязывании) следование “духу универсальной нормативности” (Э. Гуссерль), или кодексу человечности, составляет одно из важнейших условий выживания планетарной цивилизации. А это, в свою очередь, предполагает их способность к критико-рефлексивному отношению к себе, к обнаружению скрытых возможностей к частичной реинтерпретации собственной идентичности. Любое демократическое общество, увеличивая, насыщая потенциал инаковости его агентов, то есть количество социально, этнически и психологически значимых различий, должно параллельно осуществлять упорядочивание его приоритетов, в частности решать

¹² Рорти Р. Антиклерикализм и атеизм // Логос. 2008. № 4.
¹³ Панич Алексей. О пользе и вреде скептицизма для философии. URL: <http://www.scorcher.ru/art/theory/scepticism/scepticism2.php>

проблему построения небольшого, но ясно очерченного пространства ценностей и норм социального бытия, совместимого с общечеловеческим. Способом ее решения может быть социально-коммуникативный дискурс, модель которого предложена Юргеном Хабермасом. Дискурс в его трактовке представляет собой диалог, в процессе которого происходит согласование спорных притязаний на значимость с целью достижения согласия. В дискурсивной коммуникации господствует лишь “ненасильственное принуждение” наилучшего аргумента: “В дискурсах мы пытаемся заново произвести проблематизированное согласие, которое имело место в коммуникативном действии, путем обоснования”¹⁴.

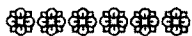
Толерантность не равнозначна “смиренной любви” (в духе заповедей Христа) или “принятию других, каковы они есть”, как об этом нередко пишется в нашей литературе. Субъекты мировоззренческой толерантности должны проявлять неуступчивость, а нередко и активное — в легитимных рамках — противодействие по отношению к тем, кто пропагандирует идеи и совершает деяния, несовместимые с упомянутым выше кодексом человечности (к членам расистских и ультранационалистических организаций, экстремистских религиозных сект, к фашиствующим молодчикам, коррупционерам всех рангов и мастей)¹⁵.

Мировоззрение и мораль

Особую остроту мировоззренческий конфликт проявляет себя в противостоянии дискурса теологов и религиозных философов, с одной стороны, и нерелигиозных мыслителей (философов и ученых) — с другой, по вопросу о генезисе и природе морали. Недавно Институтом философии РАН был проведен конкурс сочинений на тему: “Возможна ли нравственность, независимая от религии?” Вопрос относится к ряду закрытых, предполагающих истинность одного из альтернативных ответов. Считаю, что каждому из них уже давно дан (во многих достойных уважения вариантах) положительный либо отрицательный ответ, вполне удовлетворяющий критерию организаторов конкурса быть логически убедительным, психологически глубоким, теоретически и исторически основательным. Но известно также, что ни один из них не получил — а я убежден, что никогда и не получит — статус общепризнанного. В этой ситуации остается одно, а именно — попытаться ответить на релевантный поставленному, но более широкий вопрос: “Сможет ли человечество уберечь нравственность (и тем сохранить себя для достаточно отдаленной перспективы), не полагаясь в решении этой задачи ни на теизм, ни на атеизм как его антипод?”

¹⁴ Цит. по: Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск, 2000. С. 66.

¹⁵ Агент социальной общности имеет право стать в оппозицию к принятым в ней целям, ценностям и принципам, полагая, что они противоречат фундаментальным правам и свободам человека. Но при этом он может добиваться внесения соответствующих изменений только путем убеждения общественности в своей правоте, и только в границах правового поля.

Начну с обращения внимания на публикацию, в которой представлены результаты экспериментальных исследований из области психологии морали, проведенных специалистами факультета психологии и эволюционной биологии человека Гарвардского университета. Они предлагали тест мужчинам и женщинам разного уровня образования, политических и религиозных убеждений. Каждый пункт этого теста — некое действие — им нужно было оценить по 7-балльной шкале как допустимое или запрещенное с моральной точки зрения. “Результаты научных исследований свидетельствуют, что хотя вероисповедание накладывало отпечаток на характер ответов, в группах верующих и неверующих не выявлено достоверных различий в решении моральных дилемм. Из этого ученые делают заключение, что внутренние понятия о добре и зле не зависят от следования религиозным догмам. В поддержку своего тезиса о независимом возникновении религии и морали авторы приводят в пример детские социальные отношения, в которых, безусловно, присутствуют моральные нормы, при том что дети еще не вовлечены в религию. В качестве иллюстрации того, что решение моральных дилемм не зависит от отношения к религии, авторы приводят пример легализации эвтаназии в Нидерландах и запрета в США, несмотря на сходный уровень религиозности того и другого общества”¹⁶. В теоретическом плане эта точка зрения вполне может опереться на авторитетное мнение И. Канта, согласно которому “для себя самой ... мораль отнюдь не нуждается в религии”, “не нуждается ни в идее о другом существе над ним (человеком. — *Е.К.*), чтобы познать свой долг, ни в других мотивах”¹⁷.

Но ведь не подлежит сомнению и другое. Во многих разновидностях религиозных дискурсов несложно найти широко признанные принципы морали: осуждение бессмысленной жестокости, вероломства, предательства, разврата, неуважительного отношения к старшим, пренебрежения родительским долгом и т.п. Религия в процессе культурной эволюции человечества обеспечивала возможность сравнительно простого пути соблюдения этих фундаментальных норм человеческого общежития. Однако в истолковании этих норм с позиций догматов вероучения содержится немало чуждого культуре и нравственности современного (“открытого”, по терминологии К. Поппера) общества. К примеру, православный катехизис растолковывает верующим, что в пятой заповеди (о почитании старших) под “родителями” следует подразумевать не только отца и мать, но и всех тех, кто “заступает место родителей”, то есть “начальников гражданских” и “начальников духовных”, в первую очередь царя, затем церковных пастырей и, наконец, вообще всех “начальствующих в разных отношениях”¹⁸.

В атеистические времена наша страна шла по жизни “мимо” Бога. Тем не менее в народе высоко ценились трудолюбие

¹⁶ Маркина Н. Мораль легко отделима от религии. URL: http://www.infox.ru/science/human/2010/02/05/Religia_moral.phtml

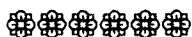
¹⁷ Кант И. Там же. С. 78.

¹⁸ Святитель Филарет (Дроздов). Пространный Православный Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви. URL: http://azbyka.ru/dictionary/10/drozdov_katehizis_1g_14_all.shtml#002

и профессионализм, было развито чувство коллективизма и личной ответственности; “интернационализм и братство народов”, “любовь к своей стране, ее культуре”, “уважительное отношение к пожилым людям”, “забота о детях” и т.п. не были пустыми словами для миллионов и миллионов наших граждан. Многие ценности и принципы общечеловеческой морали нашли отражение в так называемом кодексе строителя коммунизма. Все это было, хотя и деформированное идеологией большевизма. Достаточно напомнить о ленинском тезисе выводимости нравственности из интересов классовой борьбы пролетариата. Тупиковый вариант “морали без Бога” мы находим в трудах Ф. Ницше. Идеал всеобщей и единой морали должен быть отброшен. В христианской морали, или морали “рабов”, Ницше усматривал выражение мстительности (воплощенного, по его убеждению, в демократическом и социалистическом движениях). Те же, кто способен стать “по ту сторону” навязываемого обществом понимания добра и зла, являются носителями “высшего нравственного закона”, о котором, как я полагаю, его провозвестник не сумел поведать нам что-либо определенное.

Складывается впечатление, что тезис, согласно которому мораль возможна только на некоей “избранной” мировоззренческой основе, защищается и пропагандируется идеологами, чьи “симпатии” связаны с ценностями тоталитарного общества. Между тем ни падение авторитета мировых религий, ни распад тоталитарных режимов не привели, в общем и целом, к ее девальвации. Всечеловечность ее принципов, и не только как эмпирический факт, но и как осознанно принимаемый императив, следование которому уже в не столь отдаленной перспективе составит одно из важнейших условий выживания человечества (все еще предельно разобщенного), едва ли оспорима. Ее основу составляет “золотое правило нравственности”, то есть правило практического этоса “поступать по отношению к другому так, как ты хотел бы, чтобы он поступал по отношению к тебе” (вариант: “не делать другим того, чего не желаешь себе”). И. Кант воспринял эту максиму как выражение убеждения, присущего здравомыслящему человеку независимо от его происхождения, положения, вероисповедания, и представил его в форме категорического императива. Для мирового сообщества, прошедшего после Канта через ужасы многих революций, региональных и мировых войн, поставленного ныне перед лицом глобальных финансово-экономических и экологических проблем, невиданного по своему масштабу всплеска терроризма на религиозно-этнической основе, категоричность этого требования уже не кажется столь гипертрофированной, а его содержание — формалистичным, как это представлялось многочисленным критикам этики долга.

Е. Кротков
Множественность
мировоззрений:
территория
конфликтов?

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Если принять тезис о факультативности мировоззренческой ангажированности морали, то появляется возможность конструктивного обсуждения не менее важного вопроса о смысложизненной “вертикали” личности. Этот вопрос, полагал С.Л. Франк. «волнует и мучает в глубине души каждого человека. Человек может на время, и даже на очень долгое время, совсем забыть о нем, погрузиться с головой или в будничные интересы сегодняшнего дня, в материальные заботы о сохранении жизни, о богатстве, довольстве и земных успехах, или в какие-либо сверхличные страсти и “дела” — в политику, борьбу партий и т.п., — но жизнь уже так устроена, что совсем и навсегда отмахнуться от него не может и самый тупой, заплывший жиром или духовно спящий человек». Но этот вопрос (как полагали, впрочем, и другие религиозные мыслители) категорически неразрешим вне контекста религиозного мировоззрения. “Для того чтобы жизнь имела смысл, необходимы два условия: существование Бога и наша собственная причастность Ему, достижимость для нас жизни в Боге, или божественной жизни. Необходимо, прежде всего, чтобы, несмотря на всю бессмысленность мировой жизни, существовало общее условие ее осмысленности, чтобы последней, высшей и абсолютной основой ее был не слепой случай, не мутный, все на миг выбрасывающий наружу и все опять поглощающий хаотический поток времени, не тьма неведения, а Бог, как вечная твердыня, вечная жизнь, абсолютное благо и всеобъемлющий свет разума”¹⁹. Несомненно, мы имеем хорошо продуманное в метафизическом плане решение проблемы смысла жизни. Есть только одно “но”: непосредственный или прямой адресат этого решения — человек традиционного общества. Современное западное общество основывается на идеалах креативной деятельности, творческой активности суверенной личности с развитой рефлексивностью ее сознания, ориентацией на критерии доказательности мышления, десакрализацией окружающей природы и космоса, что мало совместимо с культурой и менталитетом традиционного общества. Принимая религиозное мировоззрение и имплицитное им решение проблемы смысла жизни, искренне верующий человек склонен выносить “за скобки” жизненное пространство современного социума, рискуя оказаться в нем “посторонним”, а то и вовсе в оппозиции к нему.

Безрелигиозное мировоззрение в решении проблемы смысла жизни менее взыскательно, но совсем не обязательно пессимистично. Смысл жизни состоит в способе ее проживания, в практическом решении личностью вопросов: “К чему стремиться?” и “Как этого достигнуть (какими средствами)?”, исходя из реальных возможностей и не полагаясь на промысел божий. А это означает, что жизнь у людей складывается по-раз-

¹⁹ Франк С.Л. Смысл жизни. URL: <http://www.ref.by/refs/90/39253/1.html>

ному, поскольку нет универсальных рецептов ее “обустройства”. Однако любой человек — при желании и наличии воли — всегда может обрести смысл своей жизни в том, что он дает людям (созидательным трудом, творчеством); или в том, что он берет от мира (радость общения в кругу семьи и с друзьями, с природой и искусством); наконец, в мужестве и человеческом достоинстве, с которыми он переносит тяготы жизни и удары судьбы. Для многих людей такой *modus vivendi* не предполагает молитвенного служения, паломничества по святым местам и ожидания грядущего пришествия Христа, хотя их жизнь и преисполнена достоинством и благоденствием.

* * *

Подведу итоги. У человечества никогда не иссякнет потребность в “искупительной истине” — постижении мерцающих неопределенностью предельных оснований вечно пребывающего мира и непреходящего смысла нашей скоротечной жизни в нем. Кто-то надеется получить “искупление” верой в единого Бога (Христа, Аллаха, Яхве), другим уютнее проживать свою жизнь в секуляризованном мире научного материализма, третьи тяготеют к многокрасочному миру языческого многобожия и т.д. Ничего предосудительного не вижу и в том, что на разных этапах своей жизни человек обретает духовную опору в разных “искупительных истинах”. При этом, как я полагаю, непременным условием позитивной значимости жизни любого человека является следование понятным и доступным каждому гуманистическим ценностям и принципам морали. “Будь таким, каким ты сам себя выразишь в своем свободном самоопределении. Но общезначимые ценности остаются непреложными. Они нуждаются в защите и поддержке, в том числе и твоей. Ты свободен во всем остальном, но за общезначимые ценности ты в ответе”²⁰. А избавиться хотелось бы от любой формы принуждения к принятию какой-либо из мировоззренческих доктрин — в качестве “единственно верной”, и навязывания на этой основе всему обществу ее ценностей и регулятивных принципов — в качестве институциональных.

Е. Кротков
Множественность
мировоззрений:
территория
конфликтов?

²⁰ Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1998.